

БЕЗ ПРАВА НА СЛАВУ, ВО СЛАВУ ДЕРЖАВЫ!

КОМАНДОС

БАТЯ. ЛЕГЕНДА СПЕЦНАЗА ГРУ

Батя: Легенда спецназа ГРУ

«Яуза»

2004

Батя: Легенда спецназа ГРУ / «Яуза», 2004

Эта книга – не детектив, не развлекательное «чтиво» о похождениях спецназовцев. Это биография легендарного офицера, посвятившего всю жизнь Спецназу военной разведки. Несмотря на все тяготы, выпавшие на долю героя, он не ожесточился и никогда не падал духом, всегда оставаясь мудрым командиром, любящим отцом и верным товарищем. «Батя» – так называли его и солдаты, и офицеры. В нашей памяти он тоже останется Батей.

Содержание

Краткое описание моей жизни	7
Человек совести и долга	9
Родом из войны	11
Добрые люди	13
Братья во кадетстве	15
«А любовь Катюша сбережет...»	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

**С. В. Баленко,
Е. М. Колесник, А. А. Устинов
Батя: Легенда спецназа ГРУ**

*Главное управление Генерального штаба ВС РФ
Региональная общественная организация «Р.О.С.А.»*

КНИГА ПАМЯТИ

Колесник Василий Васильевич

*Сборник очерков, документов, воспоминаний о Герое Советского Союза генерал-майоре
В. В. Колеснике. Фотографии из личного архива В. В. Колесника.*

Герой Советского Союза генерал-майор Колесник Василий Васильевич, 1935–2002

Краткое описание моей жизни

Я, видно, родился в роковой день – тринадцатого числа. 13 декабря 1935 года в станице Славянская (ныне Славянск-на-Кубани) Краснодарского края. Родители мои были типичными сельскими интеллигентами: агроном и учительница. Верили в добро и, как свет, несли его людям.

В 1939 году отца, агронома-рисовода, направили на работу на Украину – деревню Алиферовку Миргородского района Полтавской области. Здесь нас застала война, а вместе с ней пришли на нашу землю страшные беды. Отец с матерью ушли в партизанский отряд, оставив нас, четверых детей, на руках дедушки с бабушкой. Однажды, когда родители наведывались к нам, они были выданы предателями и попали в руки фашистов. 7 ноября 1941 года отца с матерью расстреляли на наших глазах.

После освобождения Полтавщины нашими войсками в 1943 году нас взяли к себе родственники матери. Я оказался в семье младшей сестры моей матери, муж которой служил в авиации. В его перевели в г. Майкоп. Здесь в 1945 году мы с братом поступили в Краснодарское суворовское военное училище: путь наш был predetermined с детства, наша профессия – защищать Родину.

В 1947 году училище перевели в г. Орджоникидзе (ныне Владикавказ) и объединили с общеобразовательным училищем. В 1953 году я окончил наше любимое суворовское училище, овеянное полурекламной романтикой, и стал взрослым курсантом в этом же учебном комплексе.

После окончания его в 1956 году я был направлен в Дальневосточный военный округ на должность командира взвода в отдельную роту специального назначения 25-й армии. В 1957 году роту перевели в Северную группу войск, в Польшу. На базе нашей роты был развернут отдельный батальон специального назначения, а я стал командиром отдельного учебного взвода, готовил сержантов для своей части. А в 1960 году был назначен командиром разведывательной роты этого же батальона. Служба шла, как отлаженный часовой механизм: без ЧП, но и без романтики. Может быть, потому, что все в ней стало привычно.

В 1963 году я поступил учиться в Военную академию имени Фрунзе на разведывательный факультет, о чем мечтал давно. После окончания академии, в 1966 году, был снова направлен в Дальневосточный военный округ, в г. Уссурийск, на должность начальника оперативно-разведывательного отделения отдельной бригады специального назначения.

В 1971 году меня назначили начальником штаба отдельной бригады специального назначения Среднеазиатского военного округа в г. Чирчик Ташкентской области, а в 1975 году я стал командиром этой же бригады. В этом же году бригаду передали из Среднеазиатского в Туркестанский военный округ.

В скупых сроках этого краткого описания моей жизни я не могу рассказать обо всем, что делал сам и чему обучал других. Таковы законы нашей службы. Скажу только: в ноябре 1977 года меня назначили на должность старшего офицера в Главное разведывательное управление Генерального штаба.

В мае 1979 года меня вызвал легендарный разведчик, генерал армии Ивашутин Петр Иванович и поставил четкую задачу: из войск Туркестанского и Среднеазиатского военных округов отобрать солдат, сержантов и офицеров трех национальностей – таджиков, узбеков и туркмен, сформировать отдельный батальон специального назначения к 1 июня на базе 15-й бригады специального назначения ТуркВО.

С помощью офицеров моей бывшей бригады этот батальон был полностью сформирован и укомплектован к назначенному сроку и приступил к боевой подготовке по особой программе. В конце сентября комиссия ГРУ ГШ проверила готовность батальона и оценила результаты как хорошие.

В начале ноября батальон получил приказ убить самолетами с аэродромов Чирчик и Ташкент в г. Баграм (Афганистан).

Отправив свой батальон, я возвратился в Москву.

В начале декабря того же года меня вновь вызвал генерал армии Ивашутин и приказал: с подполковником Швецом вылететь с аэродрома Чкаловский в Афганистан и поступить в распоряжение главного военного советника СССР при правительстве Амина генерал-полковника Магомедова Султана Кекезовича.

20 декабря меня вызвал главный советник в наше посольство и попросил продумать план захвата дворца Амина.¹

Штурм дворца по моему плану и под моим командованием был успешно осуществлен 27 декабря 1979 года в 19.00 в течение 15 минут.

За успешное выполнение боевого задания весь личный состав, принимавший участие в боевых действиях, был награжден орденами и медалями, а мне было присвоено звание Героя Советского Союза.

В 1980 году я поступил в Академию Генерального штаба, после окончания которой в 1982 году был назначен на должность начальника направления специальной разведки ГРУ ГШ.

В 1988 году мне было присвоено воинское звание генерал-майор. В 1992 году по возрасту был уволен из рядов Вооруженных Сил.

Женат. Имею хорошую дружную семью: жена Екатерина Михайловна; дети: Наталья – 1958 г.р., Ольга – 1963 г.р., Михаил – 1967 г.р.

Михаил окончил Рязанское воздушно десантное училище и служил в бригаде специального назначения Дальневосточного военного округа. В январе 1995 года был направлен в Чечню для участия в боевых действиях, где погиб 19 января. В настоящее время я являюсь президентом Московского городского отделения Фонда социальных гарантий военнослужащим. Оказываем помощь участникам и ветеранам Великой Отечественной войны, боевых действий в Афганистане и Чечне, офицерам запаса и членам их семей.

И пусть судьба порой была жестокой ко мне самому, принося невозможные утраты, но я счастлив тем, что всегда был верен долгу перед Родиной и что на меня всегда могли надеяться мои боевые товарищи и наше командование.

В. В. Колесник

2000 год

(Из книги «Всем смертям назло. Вспоминают Герои Советского Союза». М., «Знание», 2000)

¹ Подробный рассказ В. В. Колесника об этой операции см. в главе «Штурм-333».

Человек совести и долга

(очерк)

Когда начинаешь осмысливать жизнь человека в целом после его последнего вздоха, когда уже знаешь, что ничего больше не изменится ни в его облике, ни в характере, ни в карьере, ни в биографии (все! Биография завершена!), – пытаешься найти какие-то слова, которые бы охватили смысл этой прожитой жизни, нашли масштаб ее измерения, сложились бы в логическую формулу причин и следствий, замыслов и свершений, случайностей и закономерностей, чтобы эта формула стала неким знаком конкретной отдельной судьбы, – все твои усилия приводят к давно известному, извечно мудрому, задолго до тебя сказанному: «Человек – это мир». И каждый человек – это неповторимый мир. Свой, неповторимый и одновременно общий с тем отрезком земной истории, в котором промелькнула эта искра вечного костра Жизни.

Напишем Жизнь с большой буквы, потому что человек, о котором пойдет речь, не признавал иной.

Об этом говорят его биография, его военная профессия специального назначения – быть всегда на грани Жизни. Об этом говорили... его глаза.

Мое знакомство с Василием Васильевичем Колесником исчерпывается несколькими деловыми встречами и одним разговором с рюмкой в руках. Вот об этом разговоре, а вернее, монологе Василия Васильевича, а еще вернее – о его глазах во время этого монолога мне хотелось бы сказать в начале биографического очерка, хотя недостаточное личное знакомство с ним ограничивает мои права мемуариста.

Дело было на презентации Книги Памяти солдат, сержантов, прапорщиков и офицеров соединений и частей специального округа из Москвы и Московской области, погибших в Афганистане. Только что вышедший первый том, предисловие к которому написали генерал-лейтенант Д. М. Герасимов и генерал-майор В. В. Колесник, вручался родственникам погибших, произносились речи, были воспоминания, звучали благодарные слова.

Василий Васильевич говорил: «Я, командир и отец, который потерял на войне сына, понимаю горе родителей, их боль, но твердо знаю, что они гордятся своими сыновьями, прожившими такую короткую жизнь. Низкий вам поклон и уважение».

Не знаю, случайно ли сразу после выступления – а выступал он, выйдя на свободное пространство между П-образно установленными столами, за которым сидели приглашенные родственники, – он не вернулся на свое место, где сидел, а подошел ко мне с рюмкой коньяка и как бы продолжил свою речь. Теперь уже только для меня. Возможно, и не случайно было его обращение ко мне, писателю, недавно начавшему сотрудничать с редакцией Книги Памяти. Не важно, какой мотив был у него обратиться ко мне. Важно, с какими глазами он подошел. В них еще блестела влага бати-командира, набежавшая во время поклона матерям и вдовам («Простите нас, что не уберегли ваших ребят»), и сквозь эту влагу, как во глубине океана, темнела неизмеримая неизбежность накопленной боли.

Но в то же время направленные на меня глаза уже меняли «волну» темы, заставляя глубину колыхаться переливами гнева и недоумения: что случилось со страной, с армией, с человеком, с миром? «Что случилось с вашим братом, писателем, журналистом?» (Тут мне окончательно стал ясен неслучайный выбор адресата для его вопросов.) Отчего «инженеры человеческих душ» втаптывают в грязь эту самую человеческую душу? Почему изголяются над святынями народа, над армией, которая бережет эти святыни? Как в интеллигентском сознании рождаются чудовищные оскорбления памяти героев и, наоборот, прославления «непойманных

воров?» Почему рынок – важнее всего? Рынок – для товаров, ну и пусть торгуют, зачем же меня-то заставлять торговать? Почему такие простые истины надо доказывать?

Моя попытка уйти от непосильной участи быть ответственным не за свои грехи полным согласием с его позицией не была принята: вопросы-то остаются! Глаза Василия Васильевича требовали ответа. Возмущенный океан его души не успокаивался; глаза отражали лишь поверхностные отблески пережитых и бушевавших штормов в мире этого человека.

Под испытующим взглядом его глаз я и пишу очерк этой жизни.

Родом из войны

У французского писателя и военного летчика Антуана де Сент-Экзюпери есть знаменитое выражение: «Все мы родом из своего детства». Неоспорима универсальность этой истины. И все же иной раз усомнишься применить ее к конкретной биографии, не находя в ней... детства.

Нет, нет, все было как у всех. В один прекрасный счастливый день (хоть и «несчастливое» число) 13 декабря 1935 года в семье Колесников, у Василия Львовича и Ольги Федоровны родился второй сын – Вася – на радость трехлетнему брату Юре, еще не старому деду Федору и всей многочисленной родне Колесников и Ткаленко.

В те годы по стране лились песни: «Будьте здоровы, живите богато!», «Загудели, заиграли провода», «Нам песня строить и жить помогает»... А Василий Львович, колхозный агроном-рисовод, один из первых, кто начал осваивать рисоводство на Кубани, потом на Украине, с особым чувством пел, не щадя голосовых связок: «Мы с железным конем все поля обойдем, соберем, и посеем, и вспашем!» В тарелках радиорепродукторов, только что появившихся в хатах и на улице, читали строки далекого степного акына Джамбума: «От жизни счастливой рождаются дети...»

Конечно, от жизни счастливой и для счастливой жизни родился Вася Колесник. С такой же радостью семья встречала появившуюся следом сестренку Олю, потом еще одну сестричку, Инну. Ольга Федоровна уже ходила пятым ребенком, когда началась война, когда в деревню пришли немецко-фашистские оккупанты. Родители-коммунисты с дедом Федором ушли в партизаны.

Мало что оставалось в памяти Василия Васильевича от того довоенного детства. Отчетливо врезались в память только мамины медно-золотые, играющие на солнце кудряшки на висках. Страшное зрелище, которое пришлось пережить шестилетнему Васе, парализовало его психику, оставило заикой, затмило солнце детства.

Из укрытия в стоге сена, куда спрятали соседи детей партизан, два мальчика и две совсем еще крохотули-девочки видели, как немцы расстреливают их папу и маму. С остекленевшими от ужаса глазами и раскрытыми в судороге ртами дети запечатлевали один из эпизодов мировой войны: мама, защищаясь от пули, закрывает большой живот; папа с поникшей головой скользит вниз спиной по стене хаты, оставляя на белой глине красные следы; окровавленного деда пинает сапогом верзила; людей прикладами загоняют в хату... Вдруг вместе с пламенем бензина над хатой взметнулся невыносимо истошный вопль запертых там людей. Казалось, голосит само пламя, то выбрасывая угрожающие клубы мстительного, с хрипом крика, то вознося в небо всполохи умоляющего вопля.

Ужас виденного навсегда впечатался в чистый лист детского восприятия мира. Теперь, зная этот факт из жизни Василия Васильевича и вспоминая поразивший меня взгляд, я думаю, что видел в его глазах отражение навсегда застывших всполохов того костра из человеческих тел.

Рассказывают, что генерал В. В. Колесник бурно реагировал на появившиеся в начале перестройки утверждения некоторых военных историков, принижающих значение великой победы советского народа над фашизмом тем, что она, мол, не стоит понесенных потерь («Мы врага горами трупов закидали»). Он видел одну из этих «гор». Да, в том эпизоде войны соотношение потерь явно не в нашу пользу. Но вы, кощунственно-«объективные» историки! По вашим калькуляторам выходит, что мы вообще зря выступали против, зря сопротивлялись мощной силе, которая хотела нас поработить, что зря мои родители пошли в партизаны (живы, бы остались)... Эй вы, с калькуляторами! История движется духом народным, а не вашими выкладками, которые и нынче предписывают поднимать лапки перед сильным и богатым...

Каждой клеточкой своего существа протестовал Василий Васильевич против приземленно-благоразумной философии «премудрого пескаря», которая, как ржавчина, проникла во все поры государственного механизма, в том числе и в армию. Потому-то и темнела глубокая боль в его глазах вместе с застывшим пламенем детского ужаса во время упомянутого монолога, состоявшего из потока вопросов, не встречавших ответов.

Так что не получается у меня сказать вослед Экзюпери, что он родом из своего детства, хотя, конечно же, оттуда. Только детство-то осталось в глазах и памяти одним большим воющим костром. Огромное полемя войны. Оттуда он родом.

Добрые люди

Осталось холодное пепелище от всего, где гремели песни про счастливую жизнь. Остался в стогу сена человеческий «выводок», обреченный без материнских и отцовских забот на голодную и холодную смерть. Так происходит с каждым выводком в зверином мире. Но чем сильно человеческое общество? Тем, что «мир не без добрых людей»!

Уже какие-то безымянные добрые люди, презрев страх расправы за пособничество партизанам, спрятали ребятишек в стогу. Может быть, они же, может, и другие нашли способ переправить малышек через линию фронта на «большую землю». Там по всем правилам военного времени сотни и тысячи таких же оставшихся беспризорников направлялись в детские дома. Уже этого одного было достаточно, чтобы никто из них не погиб. Чьи-то добрые глаза заметили испуганно-трясущуюся, заикающуюся четверку, крепко держащую друг за друга, и не разлучили их. Старший Юра был уже настолько «взрослым», что помнил: где-то в этом разоренном мире есть тетя Маруся и тетя Нина, родные сестры матери. Значит, есть на земле частица того родственного тепла, которого лишились дети после трагедии. Чьи-то добрые сердца помогли детям соединиться с родственниками.

Все семейное тепло, все воспитание, все, что могли бы дать им родные папа с мамой, сироты получили в семье Долгова Семена Гордеевича и его жены Нины Федоровны, младшей сестры погибшей Ольги Федоровны.

Надо отдать должное этой паре мужественных и самоотверженных русских людей, в тяжелую годину взявших на себя обязанность прокормить, одеть-обуть, воспитать четверых мальцов вдобавок к своему ребенку. Ведь надо иметь в виду, что дети могли бы оставаться в детдоме, так сказать, на государственном обеспечении. А время было военное, суровое. В любом уголке страны все семьи сидели на скудном питании, носили латаную-перелатаную одежду, подвязывали отвалившиеся подошвы веревочкой.

Полковник авиации С. Г. Долгов обучал летчиков. Много раз просился на фронт, но начальство считало более нужной его работу в тылу. И хотя сам он питался по нормам летного состава, семья жила впроголодь (мягко сказано). Карточки иждивенцев, если их удавалось отovarить, Нине Федоровне и сыну Володе помогали мало.

Вот в этих условиях и было принято решение супружеской парой Долговых принять к себе еще троих иждивенцев (Инну, самую младшую, взяла к себе в Москву тетя Маруся).

Для приземленно-благоразумного сознания решение это выглядит безумным. Ведь это означало закабаление себя на долгие годы, особенно для Нины Федоровны. Но Семен Гордеевич и Нина Федоровна были закованы в другую, глубоко народную, общинную нравственность: вместе выживем, порознь – пропадем. Допустимо ли, чтобы родные племянники, пережившие такую трагедию, оставались без родственной сердечной ласки? А главное: разве можно жалеть себя, когда нужно пожалеть детей? Такие люди совершают подвиг, не замечая своего героизма. Буднично, учетверив свои усилия, совершала многолетний героизм Нина Федоровна, как в народе говорят, «вытягивая жилы».

Очень скоро все дети стали называть ее мамой, любили и жалели ее, стараясь облегчить ей, болезненной женщине, нелегкую участь. Такими мамами вершится многотрудная судьба России. Они не могут позволить себе даже умереть без времени, вытягивая свои жилочки до последнего тонкого волоска. Нина Федоровна дожила до 90 лет и умерла незадолго до кончины Василия Васильевича, своего сына-племянника.

Но главную мужскую роль в судьбе детей, особенно мальчиков, в становлении их характеров, сыграл, конечно, сам Батя, как стали называть дети Семена Гордеевича. Мудрый патриарх семьи с самого начала все расставил по местам, наметив линию ответственности за свою

жизнь каждого. «Мальчики, – сказал он, – должны сохранить фамилию отца, чтобы потом продолжить род Колесников». Лена была удочерена, стала Долговой Еленой Семеновной.

Мальчики души не чаяли в своем Бате, ловя каждый редкий его внеслужебный момент. Втроем они ходили на охоту и рыбалку, принося маме такие нужные трофеи. Батя научил мальчиков стрелять, пилить, рубить, колоть, плавать, копать, косить и многое чего еще. Даже испуганный, стеснительный, заикающийся Вася перестал бояться говорить и пересказывал Бате свои переживания. С этого началось его второе рождение.

«Кем бы мы стали, если бы не мама с батей? Наверное, бандитами», – как-то сказал ВасилВасильевич.

Еще одним добрым человеком на Васином пути была учительница русского языка в суворовском училище. Жестокие маленькие сверстники не щадят самолюбие заик. Она же заставила всех без издевок и смеха слушать, как Вася отвечает у доски урок нараспев. Ходила с ним в лес, и там они общались между собой «оперными ариями». И ведь добилась успеха: Вася избавился от заикания!

Этот момент в своей жизни Василий Васильевич вспоминал всегда с особым чувством. Преодоление комплекса неполноценности не только добавляет естественной радости избавления от гнетущего изъяна, но в неизмеримо большей степени придает уверенности в себе, в своей способности собственной волей создавать самого себя.

Вся дальнейшая жизнь В. В. Колесника и была строительством самого себя в духе мудрых наставлений Бати, морального примера Мамы, человеческого участия Учительницы.

Был еще один добрый человек, о котором Василий Васильевич вспоминал всегда с ласковой теплотой. Это его «Арина Родионовна» мужского пола, воспитатель в суворовском училище Булыгин. Этот офицер-воспитатель покидал спальню малышей только тогда, когда засыпал последний слушатель его сказок. Чаще всего таким оказывался Вася. Булыгин имел несомненный талант сочинителя историй, которыми обильно одаривал по вечерам малышей 45-го года, еще не знавших современных «мультиков». И такую любовь к сказкам он привил юному суворовцу, что тот, став уже седовласым генералом, вместе с внуками бежал к телевизору смотреть «мультки» и так же по-детски замирал вместе с малышами при виде монстра, радовался победе эльфов, хохотал над незадачливым волком. Эта сохраненная в душе детскость, с одной стороны, говорила о чистоте натуры этого человека, которая все равно не пустила бы в себя с возрастом черствость, прогматизм, цинизм, убивающие детскость, но, с другой стороны, как вспомнишь его глаза с отблесками тех далеких всполохов, то невольно начнешь думать о прерванном войной детстве, о том огненном «монстре», что видели его глаза, о котором – «ни в сказке сказать, ни пером описать», и порадуешься компенсированной детскости деда.

Братья во кадетстве

Заголовок этой главы взят из многочисленных поздравлений, стихотворных приветствий, приглашений – всей переписки с друзьями, которая осталась с архиве Василия Васильевича, точнее – в большой библиотеке, которую он собирал всю жизнь. Многие корреспонденции подписаны: «Братья во кадетстве».

Не называлось «кадетским» их Кавказское Краснознаменное суворовское офицерское училище, открытое в г. Майкопе в 1943 году и в 1947 году переведенное в г. Орджоникидзе (Владикавказ), соединенное с пехотным училищем, куда братья Колесники поступили в 1945 году и которое стало для Василия Васильевича на всю жизнь чем-то большим, чем просто alma-mater. Не называлось оно «кадетским», а между тем воспитанники каким-то десятым чувством на уровне генной памяти соотносили себя с традицией исторических российских кадетских корпусов, где культивировались высокое понятие чести, преданность долгу, моральная и физическая чистота, дисциплина и товарищество – лучшие черты русского офицерства, в среде которого родилась и утвердилась словесная формула чести мундира: «Честь имею!»

Пришедшие в училище на волне огромного духовного подъема всего советского народа, одержавшего всемирно-историческую победу, суворовцы влюбленными глазами смотрели на живых героев, бравших Берлин, и искренне жалели, что опоздали родиться.

Дружба, рожденная в суворовском училище, или «во кадетстве», как потом они сами будут называть эту пору своей жизни, стала дружбой на всю жизнь. Ежегодно в День Победы 9 мая у метро «Кропоткинская» собираются бывшие суворовцы тех первых выпусков. И нет большей радости, чем эти встречи друзей, соединенных единой судьбой. «Нет уз святее товарищества!»

Среди большого количества имен близких В. В. Колеснику людей, его знакомых, сослуживцев «братья во кадетстве», разумеется, ничем не отличались от остальных. Лучшим своим другом Василий Васильевич, например, называл Лобачева Геннадия Алексеевича, с которым вместе не учился, а начинал службу на Дальнем Востоке. Но все же имена суворовцев «Орджо» обласканы его сердцем особо. Все – без исключений. Недаром его вдова Екатерина Михайловна на просьбу назвать его лучших друзей ответила: «Лобачев и суворовское училище».

Мы с родственниками покойного попытались составить список этого «братства» по переписке и его записным книжкам. Вот что у нас получилось (просим извинения у тех, кто, возможно, оказался вне нашего поля зрения):

Эдуард Алексанян, Анатолий Аницышкин, Леонид Аверин (Мармеништайн), Роберт Аганесов, Александр Бувальцев, Валентин Бережной, Мартуник Гукасян, Виктор Дмитриев, Николай Дзидзигури, Павел Дулаев, Фридрих (Алик) Должиков, Владимир Ермолкин, Петр Жаров, Виктор Завадский, Эдуард Иванов, Геннадий Кащенко, Станислав Колтунов, Анатолий Кравец, Сергей Королев, Герман Кукушкин, Юрий Калагов, Лев Кидин, Юрий Манангаров, Анатолий Мальков, Борис Невзоров, Андрей Никонов, Александр Палавандишвили, Евгений Старостин, Владимир Синельщиков, Игорь Соколинский, Юрий Чуриков, Александр Чернявский.

Это все те, кто непосредственно учился вместе с В. В. Колесником, выпуск 1953 года. Но в «братство» входили и выпускники соседних годов, кто старше, кто младше: Вячеслав Ильенков, Евгений Кастовский, Федор Кузьмин, Гай Минасян, Юрий Стрельцов, Михаил Сурменко и др.

О, эти листочки на книжных полках, в папках и столе ушедшего от нас генерала! Ничего не говорящие постороннему взору, они хранили для адресата непередаваемый трепет мальчишечьей дружбы, не утраченный с годами.

Кадету от кадета. По случаю встречи.

Собрать все это в теплые ладони,
Зажмурившись от счастья и тоски.
Весь этот город,
Грустный и бездомный,
Тебе – подарком мокрым принести.

В. Зайцев

А вот, очевидно, наспех коллективно сочиненный акrostих, под которым одиннадцать подписей:

Кадет, ты пришел к нам на встречу,
Огонь в себе тая.
Любовью согреваешь,
Единомышленник не зря.
Себя подвергая риску,
На Афганистан ты пошел.
И здесь к нам, близким,
Колесник наш пришел.

Надо ли в этом случае обращать внимание на качество стиха?!

Но все чаще радость встреч омрачалась третьим безмолвным тостом. Давали знать участвовавшие «горячие точки», болезни и возраст. Скорбные листки приходили и в промежутках между встречами.

«Дорогой Вася, высылаем тебе стихотворение Лёвы Кидина «Прощание». Лев прислал его нам в прошлом году незадолго до своей смерти... У Лёвы Кидина было большое доброе сердце. Помянем нашего брата во кадетстве! Нам всем уже немного остается до встречи с ним.

Был рядом друг.
И... пусто вдруг...
Лишь звон косы в ушах
Да боль в груди.
Брат, там нас жди!
Звенит другой замах...
Обнимаем.

Евгений Кастовский, Юрий Чуриков»

А вот еще документ. Это как бы и официальное поздравление с «93-летием нашей Владикавказской Альма-матер и 50-летием ее возрождения под именем СВУ», но исполненное без какой-либо официальности и канцелярского антуража. На простой листок приклеен снимок здания училища, а под ним стихи:

Мы – младшие из первого набора —
В одном строю тринадцать лет.
До сей поры храним мы дружбу
И помним всех, кого уж нет,
С кем Альма-матер породнила
И крылья нам дала в полет.

Вся поэзия этих листочков – даже не в сути самодеятельных стихотворных строк, а в том чувстве любви и искренней доброжелательности друг к другу, которое требовало поэтического выражения. И как это трогательно в сердцах и на устах суровых военных мужчин!

Но не только радостям встреч и скорбям по потерям посвящались эти «пленумы» бывших владикавказских суворовцев. Большая библиотека Василия Васильевича хранит следы их интенсивной духовной жизни. Вот кто-то вычитал новую интересную страницу из истории – надо обязательно поделиться со своими братьями во кадетстве! И рождаются вот эти машинописные копии любопытных фактов, например, из книги Нины Федоровны Буровой, белоказачьей атаманши Майкопского партизанского отряда, изданной в Вашингтоне и, конечно же, у нас мало известной. Помимо интереса к экзотической фигуре русской дворянки, золотой медалистки Мариинского института, выпускницы Сорбонны и Московского университета, отставшей с двумя детьми от мужа в Екатеринодаре во время бегства белой Добровольческой армии и с оружием в руках боровшейся против Красной Армии вплоть до разгрома ее отряда в 1920 году, пленения и приговора к расстрелу, замененного пожизненным заключением на Соловках, откуда она потом бежала за границу, – так вот: помимо обогащения своих знаний фактами, делающими представление об отечественной истории объемным и объективным, братья во кадетстве еще и оттачивали свой русский патриотизм новыми, более сложными чувствами, находя и в другой, оторванной части русского народа по мере ослабления братоубийственной ненависти Гражданской войны созвучные мысли и настроения по отношению к общей Родине. Характерно, например, стихотворение о русской культуре, перепечатанное из той же книги Н. Ф. Буровой, без указания автора.

Русская культура – это наша детская
С трепетной лампадкой, с мамой дорогой.
Русская культура – это молодецкая
Тройка с колокольчиком, с расписной дугой.

Русская культура – это сказки нянины,
Песни колыбельные, грустные до слез.
Русская культура – это раздумянный
В рукавицах-варежках Дедушка Мороз.

Русская культура – это дали Невского
В бело-мертвом сумерке северных ночей.
Это радость Пушкина, горечь Достоевского
И стихов Жуковского сладостный ручей.

Русская культура – смех сквозь слезы Гоголя,
Станиславского, Саввина, дивный наш балет,
Лихость беспримерная, честь гвардейца-щеголя,
Поле Бородинское – доблести завет.

Русская культура – это вязь кириллицы
На заздравной чарочке яровских цыган,
Жемчуг на кокошнике у простой кормилицы,
При чеканном поясе кучерский кафтан.

Русская культура – Петр-гигант, Суворов,
Зимняя канавка, дедушка Крылов,

Зодчие-строители Киевских соборов,
Троицкая лавра в бахrome лесов.

Русская культура – это кисть Маковского,
Гений Менделеева, Лермонтов и Даль,
Терема и церкви, звон Кремля Московского,
Музыка Чайковского – тихая печаль.

Русская культура – это все, чем славится
Со времен Владимира наш народ большой,
Это наша женщина, русская красавица,
Это наша девушка с чистой душой.

Русская культура – наша жизнь убогая
С вечными мечтаньями, с замками во сне...
Русская культура – это очень многое,
Что найти не в силах мы ни в одной стране.

Кроме нескрываемого налета питерского аристократизма автора («детская», «простая кормилица»), все остальное-то до глубины души – наше. Читая и обмениваясь друг с другом таким чтением, бывшие суворовцы скрепляли в своих душах связь времен, которая более всего проявлялась в чести и достоинстве русского офицера. Недаром уже генералы и полковники, никогда ранее не звавшиеся «кадетами», называли теперь себя братьями во кадетстве.

Чуть ли не настольной книгой каждого был рассказ классика русской литературы Н. С. Лескова «Кадетский монастырь», в котором он вывел пленительные образы офицеров-воспитанников старого времени. Причем документальная основа рассказа придает особенную убедительность высоким нравственным качествам директора Первого петербургского кадетского корпуса генерал-майора Перского, эконома этого корпуса бригадира Боброва, доктора Зеленского и «отца архимандрита», которые себя без остатка отдавали воспитанникам и действовали по единственно верному принципу воспитания – личный нравственный пример.

В рассказе есть эпизод, когда кадеты укрывали раненых декабристов, приползших к их корпусу, выходящему торцом на Сенатскую площадь. На следующий день после подавления восстания в корпус приехал разгневанный государь Николай Павлович.

«– Отсюда Рылеев и Бестужев! – сердито сказал император.

Глядя в лицо государя, Перский спокойно возразил:

– Отсюда Румянцев, Прозоровский, Каменский, Кульнев, Толь – все главнокомандующие.

– Они бунтовщиков кормили! – показал рукой царь на построенных во фронт кадетов.

– Они так воспитаны, Ваше Величество: драться с неприятелем, но после победы прирезать раненых, как своих».

Так ответил Перский, бесстрашно посрамляя самого императора, достойно защищая свою и кадетов честь. Николаю Павловичу осталось только нахмуриться, повернуться и уйти, оставив без последствий «дерзость» кадетов и их директора.

В офицерской службе бывают такие эпизоды, когда ты стоишь по стойке «смирно» перед высоким чином, до звона в позвоночнике ощущаешь напряженный стержень всего того, что составляет твою личность: знания, опыт, достоинство, честь, нравственность, а в это время воля высокого чина противоречит всему, что ты есть. Выбор невелик: или сломать свой стержень, козырнув в знак согласия, или ответить так, как Перский, чтобы продолжать именовать себя офицером.

Я привел этот литературный (на документальной основе) пример, потому что он по сути схож с поступком полковника В. В. Колесника в 1979 году, когда он докладывал двум высоким чинам разработанный им план захвата дворца Амина. Чины должны были утвердить план или отвергнуть. Они предпочли не делать ни того ни другого – слишком ответственно... Впрочем, о том, как поступил в этом случае Василий Васильевич, речь впереди. Он сам расскажет об этом.

Продолжим тему идейной и нравственной стойкости «братства во кадетстве» из первых послевоенных выпусков. Заряженные неистребимой верой в строительство светлого будущего, полные уверенности в силе русского оружия, осененные великими именами Минина и Пожарского, Суворова и Кутузова, Ушакова и Нахимова, еще живых полководцев Великой Отечественной войны, под знаменами Ленина и Сталина они, готовые к любым подвигам, надели лейтенантские погоны в переломное для нашей страны время, связанное с так называемой «хрущевской оттепелью», а разоблачением культа личности Сталина на фоне открытой Западом против Советского Союза и стран социалистического содружества «холодной войны», во время создания не скрывающего враждебных намерений против нашей страны блока НАТО.

В советском обществе возникали противоположные умственные тенденции, которые захватывали и офицерский корпус. С одной стороны, надо крепить мощь державы, повышать дисциплину перед угрозой агрессивного внешнего мира, что и делалось совершенствованием оружия, прорывом в космос, ударными стройками, целиной. С другой стороны, нарастали выступления, в основном со стороны интеллигенции, о подавлении свободы личности, о несправедливых репрессиях, об отсутствии демократии, о притеснении инакомыслия.

В стан расшатывающих устои государства братство во кадетстве не могло встать. Как далекое эхо тех лейтенантских настроений я уловил в том упомянутом уже монологе с рюмкой коньяка слова Василия Васильевича: «Мудрые китайцы на стали топтаться на мертвом Мао, хотя за что – можно найти. Никто из великих не мог управлять большой страной, большим народом одними пряниками, без кнута. Ведь даже Черчилль признал, что Сталин принял Россию с сохой, а оставил с атомной бомбой. За что же мы его так?»

Со временем все больший авторитет приобретала фигура маршала Г. К. Жукова, занимая в умах и сердцах офицеров место путеводной звезды. Как в годы войны в нужное время в нужном месте появлялся Г. К. Жуков, так и в эти смутные дни вовремя появилась его книга «Воспоминания», которая не только ставила на место рать выскочек – «победоносцев», но и вселяла силу и уверенность в таких офицеров, как Василий Васильевич Колесник и его братьев во кадетстве.

Среди листков своеобразного «самиздата», которым обменивались «братья», внимание привлекла перепечатка двух стихотворений, остро полемизирующих друг с другом именно с позиций этих противоположных идейных направлений, не прекращающихся, кстати, до сих пор. Одна сторона, направленная против армии, представлена стихотворением Булата Окуджавы «Ироническое обращение к генералу», где говорится, что «пока на свете нет войны, вы в положении дурачком», поскольку как иначе вы должны совершенствовать «свою профессию и смелость?»

Хирургу нужен острый нож,
Пилоту – высь, актеру – сцена.
Геолог в поиске бессменно.
Кто знает дело, тот хорош.
Воителю нужна война,
Разлуки, смерти и мученья,
Бой, а не мирные ученья...

В общем, генерал без войны – что «прачка без воды и мыла».

Неиронический ответ Булату Окуджаве на его «Ироническое обращение к генералу» дал генерал-майор юстиции А. Ролов. В нем говорится:

И кто бы вдруг подумать мог,
Что Вы, войною опаленный,
Пушай в ту пору и «зеленый»,
Но спутник фронтовых дорог,
Забыли напрочь строчки эти:
«Мы все войны шальные дети,
И генерал и рядовой».

Шинель вы взяли – и домой.
Другим досталось жить в шинели,
Чтоб Вы печалились и пели.

А Вам, считайте, повезло
Вовсю шататься по Арбату,
Походной грязи не месить,
Страну с семьей не колесить
И не считать одну зарплату.

Чернить военных стало модно.
Хотя не так и благородно,
Зато «сподвижники» поймут.
А злопыхателей немало
Вскричат:
– Ату их, генералов!
И руки недруги потрут

Когда вдруг пасквиль и талант
В содружестве сойдутся рядом,
То муза, сдобренная ядом,
Не принесет успех, Булат.

Автор ответа, «беспризорник от войны, ставший генералом», созвучен был Василию Васильевичу не только настроением, но и судьбой. Беда только в том, что яд «Иронического обращения» брызгал со всех страниц и экранов (уже начиналась перестройка), а «Неиронический ответ» появлялся в какой-нибудь дивизионке да распространялся вот так, отпечатанный под копирку, – от брата к брату.

Разумеется, найденные в архиве покойного генерала и пронизательные здесь следы его интеллектуального общения составляют лишь малую часть духовной жизни «братьев во кадетстве», но и они дают общее представление об их стойкой государственно-патриотической позиции, помогающей ориентироваться в общественно-политических завихрениях современности. Защитник Отечества должен знать, какое отечество он защищает, и не может быть приказом отстранен от политики. Куда девать вулкан, вскипающий в груди?

Таков был один из невысказанных вопросов в глазах Василия Васильевича в ту нашу встречу; в них поражала парадоксальная одновременность влаги слезной боли, огня взыскующей правды и глубокой темноты отчаяния.

«А любовь Катюша сбережет...»

«Тыловое обеспечение» воинскому явлению под названием «Колесник Василий Васильевич» осуществляла его любовь и жена, мать троих детей Екатерина Михайловна.

В одно время с Колесником училась в г. Орджоникидзе в педучилище Катя Горбачева. Как было принято, на вечер в военное училище, где были одни мальчики, приглашали студентов педучилища, где были девочки. И наоборот. «Хитрая» подоплека таких приглашений ни для кого не являлась секретом: на этих вечерах, на этих танцах завязывались дружба, симпатия, любовь, судьба. Как потом подтвердилось всей жизнью, между Васей и Катей завязалась любовь-судьба.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.